

21 ИЮН 1977

Молодой коммунар
г. Воронеж

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ГАСТРОЛЯМ

КОГДА НА СЦЕНЕ — МАСТЕР

Воронежский театр оперы и балета «под занавес» сезона сделал своим друзьям замечательный подарок — гастроль народного артиста Эстонской ССР Хендрика Крумма.

Ну что, казалось бы, такого? Спектакли — две оперы Верди, «Трубадур» и «Бал-маскарад», — слышаны-переслышаны, сезон завершен, и вообще лето на дворе...

Впервые мы на нашей сцене слышали Крумма еще совсем молодым около десяти лет назад. Вторично — уже зрелого мастера — в феврале этого года (зимой это были тот же «Трубадур» и «Риголетто»).

— Ваш любимый композитор, Хендрик?

— Как вам сказать? Вообще хорошая музыка. Мне близки Верди, Доницетти, Пуччини. Прекрасный композитор Берлиоз, но его три оперы, к сожалению, еще не оценены. Вообще, по-моему, нужно, чтобы театры не были похожи друг на друга. Оперных театров в Советском Союзе много, и музыки хватит на всех, а то вот есть у меня готовые партии, а оперы эти не идут...

Итак, «Трубадур». Итак, Манрико — Хендрик Крумм, ведущий солист театра «Эстония» и бесспорно один из лучших теноров страны.

— Где вы учились, Хендрик?

— В Таллинской консерватории, у профессора Ардера,

воспитателя наших замечательных певцов Тийта Куурика и Георга Отса. Потом стажировался в Италии, у маэстро Барра, у которого занимались и другие советские тенора. Стажировка очень помогла сформироваться как певцу. Дело ведь не только в постановке голоса — развивается музыкальный вкус, приучаешься уверенно держаться на сцене. Ну, и, конечно, знакомись с новой для тебя музыкой.

Партия Манрико — одна из красивейших и трудных теноровых партий. Арии, дуэты, терцеты — изумительной красоты. Но партия эта и одна из «коварных»: велик соблазн продемонстрировать свои вокальные данные, «рыкнуть» под итальянца, а где «не тянешь» — нажать на игру.

Вот он пред нами, порывистый, глубоко чувствующий человек. Горячее чувство к прекрасной Леоноре, боль от ощущения социального неравенства, любовь к матери, отвага и благородство — все это органично сочетается в себе герой Крумма. Сценический рисунок сдержан, но тем ярче внутренний драматизм образа, передаваемый средствами чисто вокальными.

Голос певца льется изумительно свободно, «сам собой», дыхание беспредельно, его не замечаешь, да и не думаешь об этом, а только слу-

шаешь и лишь потом спохватываешься: да как же это? В одной только второй картине третьего акта — две арии почти подряд: одна сдержанно-страстная, кантиленная, вторая — призывная героическая кабалетта. Поет их Крумм словно бы на одном дыхании, красивейший его драматический тенор летит без малейшего напряжения, и замирает зал, чтоб обрушиться лавиной аплодисментов и снова замереть, когда в финальной сцене с матерью этот голос опустится до нежнейшего пиано.

— У вас, воронежцев, театр — как прекрасная скрипка. Такая акустика! Здесь петь — наслаждение, здесь можно петь пиано, и знаешь, что тебя слышно. Если вы не будете использовать такую акустику — это кощунство! Мы в театре «Эстония» о такой только мечтаем...

А через день он — Ричард в «Бале-маскараде»...

— Я очень люблю эту оперу, не пел ее лет семь и, когда узнал, что она идет в вашем театре, попросил вызвать меня на спектакль.

Характер диаметрально противоположный Манрико: улыбатый, открытый юноша и чуть балованный вельможа; нежный влюбленный и верный друг; почти готовый совершить бесчестный поступок и остающийся до конца благородным. И снова образ создается в основном — и прежде всего! — средствами вокала. Ни малейшего пафо-

са, «драматизма», надрыва. (Каюсь: только теперь, после исполнения Крумма, оценила партию Ричарда, предпочитала ей раньше баритональную партию Ренато).

Как и в «Трубадуре», певец великолепен в ансамблях с партнерами (особенно с Ф. Себар, Е. Поймановым, а на зимних гастролях — с Г. Поливановой, тоже всегда желанной гостьей нашего театра); он очень чуток, умеет слушать и ни в чем не затенить товарища по сцене.

Потрясающе проводит Крумм финал «Бала-маскарада»: смертельно раненый Ричард, прощаясь с любимой и другом, поднимается, делает шаг в глубь сцены, спиной к зрителям, и — падает навзничь на руки придворных. Последняя фраза звучит, уже когда певец лежит на планшете сцены. Звучит — и растворяется в воздухе...

...Занавес, цветы, цветы, занавес, снова цветы...

— Петь, как можно больше петь! У певца не так много времени. Хотя... Мастеру Тийту Куурику больше 60, а как поет...

А за плечами десятки сложнейших теноровых партий в операх зарубежных, русских и эстонских композиторов. Гастроли во многих странах мира, восторженные отзывы прессы («Искусство исполнителей главных партий — ...Хендрика Крумма — может удовлетворить самых капризных любителей итальянской оперы», — пи-

сал в 1973 году журнал «Театр» о «Трубадуре»).

Колоссальная повседневная работа, строгий певческий режим.

— Очень важно знать, что тебе можно петь, не братья за партии не по голосу при всем искушении...

(Добавим, последнее относится не только к профессионалам — к любителям тоже).

А впереди... Впереди то же самое — и вся жизнь. Ибо Хендрик Крумм молод и как человек и как певец, ждущий неспетые партии, несозданные образы. Ждут новые творческие победы. Желая артисту самых больших успехов, мы — не по традиции, а от всей души — желаем и себе: новых с ним встреч.

* * *

А в заключение — вот еще о чем: сколь велика роль гастролей ведущих мастеров страны для повышения культуры «разболтавшихся» старых спектаклей!

Ведь довелось же совсем недавно слышать тот же «Бал-маскарад», где «разъезжался» хор, оркестр под управлением, увы, главного дирижера заглушал певцов с отнюдь не слабыми голосами, певцы же забывали вступить, и текст, к вящей забавы зрителей, весьма слышно «подавался» из-за кулис; где в зале графского дворца недвусмысленно выглядывала электроосветительная аппаратура, а в довершение всего под героем подломились ступени...

Ничего подобного нет и не может быть, когда на сцене гость: тут уж подтягиваются все — от солистов до рабочих сцены. А это весьма полезно. И для данного конкретного случая, и вообще.

Е. РАГОЗИНА.